

ПУБЛИЦИСТИКА

В.Э. ШЛЯПЕНТОХ

РАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РОССИИ И США

В 1998 году я смотрел первомайскую телепрограмму "Время". Она изобиловала издевками над демонстрациями граждан, требующих от правительства вернуть долги по заработной плате. Особенно поразило меня саркастическое упоминание о "социальном равенстве", о котором по-прежнему, как можно было понять, самым нелепым образом беспокоятся коммунисты.

Фанатический эгалитаризм молодых большевиков в 20-е годы сопоставим со столь же фанатической убежденностью их внуков в том, что социальное неравенство является непременным условием экономического и социального прогресса. В то время как дедушки-комиссары исповедовали аскетизм (во всяком случае, скрывали от общества любые отклонения от него), их внуки в лице представителей власти, ведущих журналистов, преуспевающих бизнесменов ведут роскошную жизнь напоказ и, естественно, не обнаруживают сочувствия "униженным и оскорбленным". Нынешняя российская элита далека от того, чтобы брать пример со скромных партаппаратчиков, скрывавших свой уровень потребления, или государственных деятелей Запада.

Российские либералы, которые возглавляли страну и средства массовой информации в 90-е годы просто-напросто выбросили из своего лексикона слова "справедливость" и "равенство". Они не встречаются ни в выступлениях президента и его окружения, ни в статьях тех, кто восхваляет режим. Такое публичное пренебрежительное отношение к равенству и справедливости и отказ от хотя бы словесного выражения сочувствия неимуществу со стороны тех, кто причисляет себя к "русской интеллигенции", удивительно. Со времен А. Радищева, пожалуй, не было писателей, воспевающих богатство и роскошь. Достаточно упомянуть Н. Гоголя, И. Тургенева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, не говоря уже о А. Островском или М. Горьком¹. Впрочем, сказанное в полной мере справедливо и применительно к

Шляпентох Владимир Эммануилович – доктор философских наук, профессор Университета штата Мичиган (США), ассоциированный профессор Института социологии РАН. Адрес: 316 Berkey Hall, East Lansing, MI, 48824-1111, USA; телефон: (517) 355-66-40; факс: (517) 432-28-56; электронная почта: shlapent@pilot.msu.edu

¹ Некоторые либералы в системе просвещения рекомендуют преподавателям словесности новое прочтение русских классиков, того же Радищева, и предлагают не "акцентировать" внимание учеников на обличениях ужасающего неравенства людей во времена Екатерины Великой и на призывах будущего ссыль-

литературе любой другой страны мира, например, французской² и даже американской³.

Егор Гайдар в бытность премьер-министром напутствовал внезапно обнищавших, потерявших все свои сбережения граждан словами: "Каждый, кто хочет, может заработать деньги". Еще более красноречивым оказался А. Чубайс, который, будучи в 1997 году по сути дела вторым человеком в государстве, в сердцах, видимо, отбиваясь от тех, кто допекал его упреками в тяжелом положении многих россиян, бросил фразу: "Чтобы всем жилось весело, хорошо и тепло – так не бывает". Не менее знаменито и его замечание о "несчастных ста тысячах долларов" (напомню, речь шла о гонораре за ненаписанную книгу, вряд ли обещавшую статью бестселлером). Никто из либералов не высказал четко и определенно своего отношения к приватизации, которая по всем меркам была глубоко несправедливой.

Примечательно, что и в теоретических размышлениях о судьбах российского общества ни один "старый" либерал, будь то Е. Гайдар⁴ или А. Яковлев⁵, начиная с 1991 года даже косвенно не поднимал проблему равенства и справедливости. Не найти рассуждений на эту тему и в книгах Б. Ельцина, которые, кто бы ни участвовал в их написании, отражают мировоззрение президента после 1991 года.

Можно предположить, что отсутствие интереса к упомянутой проблеме объясняется ситуацией тех лет, когда стоял вопрос о выживании нового режима, а также еще стойким отвращением к советскому строю с его демагогией о справедливости. Однако и позже, в 1995-1998 годах, взгляды "старых либералов" на социальную поляризацию общества не изменились.

"Новые либералы" образца 1997-1998 годов, дистанцировав себя от "старых" позитивным отношением к государству и патриотизму, сохранили пренебрежительное отношение к проблемам равенства. Возьмем, например, идеологические выступления Б. Немцова. Он обвинял олигархов лишь в стремлении командовать обществом и ни словом не обмолвился о них как об апологетах неограниченного неравенства и о социально бестактных людях, не упускающих возможности для демонстрации богатства и власти.

Равнодушие представителей либеральной элиты к проблемам социального равенства и справедливости поразительно на фоне того, что российское государство, во главе которого они стали, и после 1991 года вынуждено было тратить огромные деньги (половину своего бюджета) на "социальную сферу" – обстоятельство, само по себе требовавшее от политиков публичного рассмотрения жизненного уровня различных слоев общества.

Демонстративная враждебность к равенству опирается, как кажется русским либералам, на незыблемые теоретические принципы либерального капитализма, кото-

ного к революции. Они настаивают на пересмотре прежнего отношения к Горькому и Маяковскому и предлагают отказаться от изучения поэмы Блока "Двенадцать" [1].

² Вся французская литература XIX века, кроме, может быть, М. Пруста, была антибуржуазна и проэгалитарна.

³ Вспомни хотя бы С. Фитцджеральда с его "Великим Гэтсби", не говоря уже о романах Э. Синклера, Дж. Стейнбека и многих других.

⁴ В книгах Е. Гайдара "Государство и эволюция" и "Дни поражений и тревог" отсутствуют какие-либо размышления о проблемах равенства и социальной справедливости.

⁵ В книге "Горькая чаша" (1994) А. Яковлев упоминает проблему справедливости только в связи с Французской революцией, если не считать его критики "уравниловки", которую автор, видимо, отождествляет с социальным равенством.

рый должен прийти на смену советскому тоталитаризму. Они воспевают неравенство, поскольку глубоко убеждены в том, что это – обязательное условие экономического прогресса и существования демократического общества. И у них имеются веские основания в пользу такой точки зрения. Действительно, полное равенство, навязанное людям, исключает демократию и эффективную экономику. Оно возможно только при тоталитарном режиме, что и продемонстрировало советское общество. Молодые либералы, призывавшие прекратить “болтовню на темы справедливости”, были твердо уверены, что с введением рыночной экономики и частной собственности сумеют быстро (“за 500 дней” по Г. Явлинскому или “за три года” и даже “за один год” по Л. Пияшевой⁶, создать процветающую экономику. Их пророк Ф. Хайек, защищая неравенство, утверждал, что, если даже его нельзя оправдать ссылкой на “таланты” (случай играет слишком большую роль как фактор удачи), оно хорошо тем, что увеличивает общий объем распределяемых ресурсов. А.М. Яковлев, известный юрист, бывший некоторое время представителем президента в Госдуме, провозглашает: “Правовое государство – это неравенство в богатстве и равенство в правах”, но не сопровождает эту максиму никакими ограничениями, которые помешали бы считать, что чем сильнее неравенство, тем лучше для правового государства [3].

Либералы 90-х годов унаследовали от своих идейных предшественников – либералов 60-х и вышедших из них диссидентов, поразительно равнодушных к материальной жизни масс⁷, глубоко антидемократическую технократическую идеологию. Именно эта идеология позволяла будущим “прорабам перестройки” сотрудничать в 60-е – 70-е годы с партийным руководством, которое с самых первых месяцев после Октябрьской революции презирало “трудящиеся массы” и боялось их.

Немалую роль в формировании отношения либералов к равенству сыграл, конечно, слепой антикоммунизм, побуждавший отрицать все, что связано с именем Маркса⁸. Кроме того, следует отметить еще одно обстоятельство. Советская политическая и культурная элита всегда испытывала комплекс неполноценности, завидуя тем, кто занимал на Западе те же позиции. После 1991 года правящие либералы получили возможность наслаждаться жизнью на полную катушку и делали это открыто и вызывающе.

Презрительное отношение к равенству можно хоть как-то оправдать в странах, где жизненный уровень настолько высок, что в состоянии обеспечить более или менее достойное существование той части общества, которая не преуспела. Другое дело нынешняя Россия. Здесь все более углубляющееся безграничное неравенство наблюдается на фоне неимоверно снизившегося за последние десять лет уровня жизни огромного числа людей.

Конечно, советское общество ни в коей мере нельзя назвать эгалитарным: социальная дифференциация была в нем весьма велика и проявлялась во всех сферах

⁶ Л. Пияшева писала, что не может понять, почему “рост благосостояния нового предпринимательского сословия” должен “повлечь за собой ухудшение имущественного положения низкодходных групп”. Для нее был очевиден автоматический рост благосостояния “нуждающихся слоев” общества с приходом рыночной экономики [2].

⁷ Как ни велики идеологические разногласия автора с Л. Бородиным, исповедующим откровенный шовинизм, нельзя не признать его правоту, когда он пишет, что российское диссидентство в 60-е годы было совершенно безразлично к “трагедии жителей неперспективных деревень, колхозных пенсий, положения ветеранов и неуставных отношений в армии” [4]. См. об этом также [5].

⁸ По словам А.Н. Яковлева, ознакомившись с трудами “классиков”, он понял, “что более поверхностной, противоречивой, пошлой писанины (...) никогда – ни раньше, ни позже не читал” [6].

жизни — от образования и медицинского обслуживания до похорон⁹. Тем не менее оно выглядело почти так, как его описывала официальная пропаганда — как “общество социальной однородности”. Существовал огромный средний класс, который охватывал не только интеллигенцию и служащих, но и значительную часть рабочих и даже крестьян. У большинства граждан были примерно одинаковые жилищные условия (отдельная малометражная квартира), мебель и набор предметов длительного пользования (у всех телевизор и холодильник, у некоторых — машина), схожая структура питания с весьма ограниченным потреблением фруктов (при постоянной озабоченности по поводу того, где достать еду и одежду, особенно в малых городах). Большинство одинаково проводило отпуск (вспомним массовый “дикий” отдых на Черном море), имели в своем распоряжении терпимое медицинское обслуживание, предполагавшее умеренные суммы для взяток (или подарков) сестрам и докторам, выписывали похожий, хотя и с большой дисперсией, набор периодических изданий, более или менее одинаково использовали свободное время (гости, кино, чтение) и достаточно регулярно потребляли алкоголь.

Немало авторов и в России, и за рубежом, ссылаясь на разнообразие товаров, отсутствие очередей и т.д., утверждают, что средний россиянин в постсоветском обществе живет материально лучше, чем жил представитель советского среднего класса. (С моей точки зрения, такое утверждение применительно к большинству граждан страны не имеет оснований, поскольку при этом игнорируется множество натуральных показателей, не говоря уже о самооценках населения.) Но, пожалуй, никто не берется доказывать, что социальная дифференциация сейчас менее выражена, чем прежде. В нынешней России не может быть и речи о столь большом по размерам среднем классе¹⁰, который существовал в доперестроечные времена.

Советское руководство старалось проводить в последние десятилетия умеренную эгалитаристскую политику. В результате заработная плата рабочего была зачастую выше, чем инженера и даже тех, кто занимал административные должности. Как показал контент-анализ 500 писем читателей “Литературной газеты”, принявших участие в дискуссии на тему “Инженер и время”(1969), почти половина жаловались, что инженер, как правило, получает меньше квалифицированного рабочего [7]. Разумеется, Кремль делал исключение для номенклатуры и репрессивного аппарата, а также для интеллектуальной элиты.

Фокусировка на социальной справедливости была последней идеологической инициативой Кремля накануне перестройки, с приходом к власти Ю. Андропова. По инерции эта кампания продолжалась в течение нескольких лет. Как и всякая другая идеологическая акция, она велась грубо и фальшиво, однако вместе с тем явно отражала беспокойство нового руководства страны растущей социальной дифференциацией населения.

Нелишне напомнить, что политическая карьера Ельцина как партийного диссидента началась именно с борьбы за социальное равенство. Вплоть до 1991 года будущий президент, впоследствии ставший символом “царского образа жизни”, отказываясь от специальной поликлиники, спецавиарейсов и от многого другого, выступал как ярый враг привилегий.

Исторический парадокс заключается в том, что социальное неравенство, которое так возмущало россиян в советский период, не идет ни в какое сравнение с си-

⁹ А. Каценелинбойген насчитывал 15 категорий похорон в зависимости от социального статуса умершего.

¹⁰ То, что произошло в постсоветской России, опровергает так называемый тезис стабильности, согласно которому классовое неравенство в любом современном обществе (Англия используется как классический пример) весьма стабильно и не меняется, какие бы изменения ни происходили в экономике страны.

туацией в постсоветской России. По данным Госкомстата соотношение денежных доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных составляло в 1990 году 4,4, в 1994 – 15,1 и в 1996 – 13,0 [8]. (Любопытно, что по данным ВЦИОМ российское общественное мнение склонно принять различие 1:3 или 1:4). По степени неравенства Россия находится среди слаборазвитых государств, тогда как все западные страны, в том числе США, гораздо эгалитарнее. Доля дохода или потребления в распоряжении 10% самых богатых граждан составляла в 1993 году в России 39%, в США и Франции – 26, Англии – 28, Германии – 24, Голландии – 22, Швеции – 21, Бразилии – 51, Венесуэле – 43, Мадагаскаре – 35, Мексике – 39 [9].

В количественном отношении “новых русских” намного больше тех, кто имел привилегии в СССР. В силу этого дисперсия благосостояния взметнулась вверх. Налоговое ведомство объявило в июле 1998 года, что в России 1000 очень богатых людей, чуть ли ни “миллиардеров”, и 700 тысяч “просто” богатых [10]. В Советском Союзе в 1985 году насчитывалось вряд ли более 100 тысяч имевших привилегии. При этом благосостояние членов Политбюро нельзя даже сравнить с роскошью, в которой купаются нынешние российские богачи с их счетами в зарубежных банках, виллами и квартирами в разных странах мира. А если учесть различия между тайным потреблением прошлой номенклатуры и демонстративным потреблением сегодняшней элиты (сравните показную роскошь бутиков в подземном царстве для богачей на Манежной площади с распределителем благ для номенклатуры на улице Грановского без вывески и охраны), то понятно, что средний россиянин сталкивается с недоступной ему роскошью наверное в сотни раз чаще, чем средний советский человек.

Казалось бы, следовало ожидать, что, учитывая сильные ностальгические настроения населения и стремление политических противников в лице коммунистов обернуть проблемы равенства и справедливости в свою пользу, власть предержавшие постарались самыми разнообразными методами, включая чисто идеологические, смягчить сложившееся положение. Однако правящая элита не только не пыталась уменьшить социальную поляризацию, но и вопреки собственным коренным интересам сделала все, чтобы еще более обострить проблему, выступив в роли откровенного апологета невиданного в стране расслоения.

Российские либералы оказались в плену насаждаемых советской идеологией представлений о капитализме как о звериной общественной системе, в которой глубокое неравенство культивируется обществом, прежде всего бизнесом. Они, видимо, не знают (или делают вид, что не знают), как на Западе озабочены проблемой уменьшения социальной поляризации, игнорируют тот факт, что “уровниловка” в скандинавских странах, во Франции и Германии, по сути дела, несколько не слабее советской. Другой вопрос, какая модель – американская или европейская – окажется более перспективной, обеспечит социальную стабильность.

В своих взглядах на равенство российские либералы являются сторонниками либертарианства, соединяющего высокую оценку предпринимательства, рыночного механизма, низких налогов со строгим соблюдением гражданских свобод и скепсисом по отношению к пользе государства. Рассматривая последнее как своего врага, эта доктрина делает акцент на свободу человека от всякого вмешательства в любую сферу жизни, в частности, на его незыблемое право неограниченно распоряжаться результатами своей деятельности.

Для приверженцев либертарианской идеологии характерна абсолютная вера в рыночный механизм, который, с их точки зрения, способен не только максимизировать эффективность экономики, но и решать все острые социальные проблемы и обеспечивать лучшее функционирование демократии, а также в экономическое и социальное всеислие “чистой конкуренции” на основе частной собственности. Однако, как ни сильны позиции социального дарвинизма, доминирующими в американской идеологии, а значит в средствах массовой информации и университетской среде,

являются концепции, провозглашающие те или иные формы равенства в уровне жизни.

В целом либертарианство в США, не говоря уже о Европе и других регионах мира, не очень популярно. Либертарианская партия (ее мозговой центр – институт КАТО в Вашингтоне и журнал “Reason”) набирает на выборах лишь несколько процентов голосов. Примечательно, что знаменитая программа республиканской партии “Договор с Америкой”, которая содержала ряд либертарианских положений, вскоре после победы республиканцев в 1994 году в значительной степени выдохлась и практически исчезла из политической жизни страны. Что касается среднего американца, то у него, как и у россиянина, эклектическое сознание, сочетающее в себе как стремление максимально сократить налоги, так и признание необходимости помогать малоимущим. В зависимости от обстоятельств верх берет то одна, то другая тенденция. Либертарианцам противостоят либералы, занимающие по отношению к равенству противоположную позицию. Один из самых известных теоретиков Дж. Роулс, развивающий логически стройную эгалитаристскую концепцию, предлагает исходить из того, что все люди должны выбрать в качестве главного постулата распределения так называемый “принцип максимина”. По Роулсу, неравенство оправдано только в том случае, если оно обеспечивает максимально возможный выигрыш для наименее обеспеченного класса. А если это так, то наилучшей стратегией для абсолютного большинства является поддержка тех, кто находится внизу, и стремление повышать уровень жизни наименее благополучной части населения. Тогда, чтобы ни случилось со средним человеком в жизни, его положение не будет катастрофическим.

В современной Америке, как и во всем мире, проблема равенства выступает в двух ипостасях – как равенство в уровне жизни (или в потреблении) и как равенство возможностей. Наиболее известный вариант равенства в уровне жизни – коммунистический принцип “от каждого по способностям, каждому по потребностям”. В 60-е годы он казался советским либералам абсолютно абсурдным, но идея коммунистического равенства, то есть полного эгалитаризма в уровне жизни, не погибла, а преобразовалась в идею “частичного” равенства – минимальных биологических или даже минимально социальных потребностей.

Американское государство на федеральном уровне и уровне штата гарантирует всем лицам, находящимся на территории страны (гражданам США, большинству легальных иммигрантов и значительной части нелегальных) удовлетворение их основных потребностей – в еде, жилье, образовании (в известной степени и высшем – через различные формы финансовой помощи) и медицине. Показательны в этом отношении дебаты, развернувшиеся в США сразу же после поступления в продажу виагры – лекарства от импотенции. По мнению многих, оно должно быть доступно всем и оплачиваться страховыми компаниями, но консерваторы считают, что пока лекарство дорого, следует согласиться с отказом компаний оплачивать сексуальные удовольствия. Надо примириться с тем, считают они, что только состоятельные импотенты могут позволить себе недоступные им дотоле радости [12].

В Западной Европе речь идет в основном об удовлетворении минимальных социальных потребностей – отдых на курортах, посещение театров и т. д. В некоторых сферах общественной жизни на Западе большинство населения располагает практически одинаковыми возможностями.

По сути дела, советская система, используя другие механизмы, обеспечивала более или менее полно то же равенство по минимальным потребностям. Невозможно было уволить человека с работы, выселить семью из квартиры, признавалось право (хотя и реализуемое нередко в течение многих лет) на жилье, общедоступными были образование, медицина, большинство культурных учреждений, отдых в специальных домах, не говоря уже о детском отдыхе. Советская система распределения благ была очень близка по духу системе распределения в западном мире. Вот почему всякое

отступление от нее в сторону отказа от “социальных гарантий” есть отступление не от советского социализма, а от современного западного общества. Это не движение вперед, а откат назад. Одним из немногих либеральных российских мыслителей, кто это понял, является Ю. Буртин, стремящийся в своих публикациях реабилитировать проблему равенства с позиций человека, чья либеральная репутация безупречна. Он предлагает вернуться к идее конвергенции, которую разделял в конце 60-х годов А.Д. Сахаров, и различать конвергентный капитализм с высоким уровнем “социальной ответственности” и преданностью “социалистическим принципам” от доконвергентного капитализма, основывающегося на социал-дарвинизме, и от тоталитарного доконвергентного социализма [13].

Еще сильнее, чем равенство в потреблении, западное общество поглощено тем, чтобы обеспечить полное равенство возможностей для профессиональной деятельности. При этом, если раньше оно квалифицировалось как “равенство старта”, то сейчас трактуется гораздо шире. Политика по обеспечению равенства возможностей и ее обсуждение составляют одну из главных тем американской и западноевропейской идеологической жизни. Было бы неверно утверждать, что на Западе равенство возможностей гарантировано для всех: до этого довольно далеко, хотя прогресс очевиден. В значительной степени он определяется активной политикой, направленной на обеспечение равенства в доступе к образованию и работе для представителей различных меньшинств, женщин и старых людей. Американская администрация и средства массовой информации рассматривают прогресс в этой области как одну из главных задач общества.

Что касается России, то здесь наблюдается не только отставание от Запада, но и огромный регресс по сравнению с советским периодом. Так, объявления о найме на работу с неизменным указанием ограничений возрастного ценза были бы в Америке поводом для тысяч судебных исков. Наряду с людьми старших возрастов дискриминации подвергаются женщины. Они составляют большинство (80%) безработных в стране. В посткоммунистической России заработная плата женщин не превышает 45-50% от заработка мужчин (в советские времена – 70%). Резко уменьшилось число женщин, вовлеченных в политическую жизнь. Наконец, сексуальная эксплуатация женщин начальниками стала нормой в обществе, которому очень не хватает вмешательства партбюро против злоупотребления властью. Не менее примечательна открытая дискриминация “лиц кавказской национальности”. На все эти факты российские либералы никак не реагируют, а подчас и молчаливо их одобряют. Хотя социальная дифференциация в доступе к образованию на Западе все еще весьма велика, за последние 30 лет прогресс в выравнивании возможностей для бедных, женщин и дискриминируемых в прошлом меньшинств огромен. В России, напротив, после 1991 года в этой области произошел регресс. Сейчас дети из малообеспеченных семей имеют намного меньше шансов получить хорошее образование, чем дети богатых родителей, и эта проблема, в противоположность Америке, где она непрерывно и бурно обсуждается, почти полностью игнорируется российскими властями.

Не отрицая позитивной корреляции между умеренным неравенством с одной стороны и эффективностью экономики и жизнеспособностью демократии – с другой, западные либералы указывают на целый ряд факторов, объясняющих, почему чрезмерное неравенство вредно для общества. Прежде всего, это глубинное нарушение чувства справедливости, которое снижает уровень удовлетворения жизнью у обеспеченных людей. Среднему американцу, не говоря уже об образованном классе, неприятно думать и чувствовать, что кто-то страдает, и поэтому он охотно идет на достаточно высокие налоги (в Западной Европе они еще выше), чтобы наслаждаться своим благосостоянием спокойнее. Не меньшее значение имеет в глазах американцев негативное влияние социальной зависти на благосостояние общества, а также опасность социальных конфликтов.

Российская либеральная элита настроена против равенства и всего, что даже отдаленно напоминает ей социализм. Совсем другое отношение у основной части населения, которое, как и народы многих стран мира, разделяет эгалитаристические позиции. Как свидетельствуют опросы ВЦИОМ, не менее 50% россиян называют отсутствие социального равенства и справедливости проблемой, которая их беспокоит. В начале 1998 года неравенство по своей негативной популярности не намного уступало росту цен (58%) и невыплатам зарплаты (57%). 34,7% респондентов на вопрос "В чем заключаются ваши основные претензии к деятельности нынешнего правительства?" выбрали ответ: "Не заботится о социальной защите населения", который оказался на первом месте среди 10 альтернатив [14]. В списке из 23 позиций, предложенных в качестве вариантов ответов на вопрос о том, что важнее всего сейчас для России, первое место занимает "наведение законности и порядка" (27%), второе – "демократические права и свободы" (24%) и третье – "социальная справедливость" – (22%)¹¹. По данным другого опроса, проведенного ВЦИОМ в июле – августе 1997 года, объединить российское общество могли бы идеи богатства, процветания (13%), равенства, справедливости (11%), спасения Отечества (3%). Интересно, что и россияне, и американцы отвели социальной справедливости вполне почетное место среди своих индивидуальных ценностей: одиннадцатое-двенадцатое из 20. Эта проблема, как считают наблюдатели, явилась одной из главных причин прихода к власти партий левой ориентации в 13 из 15 европейских стран [15]. Степень беспокойства столь велика, что примерно треть россиян поддерживает умеренный эгалитаризм, требуя от государства установления максимума доходов. При этом, как фиксирует опрос ВЦИОМ, проведенный в марте – апреле 1996 года, число тех, кто выступает за неограниченные доходы своих сограждан, уменьшилось за пять лет с 33% до 29%. Что касается сторонников "частичного", "благотворительного", равенства, обеспечивающего всем удовлетворение минимума потребностей, то их доля за этот же период (1991-1996) существенно выросла – с 61% до 74%. Более того, по мнению 77% россиян, "государство должно обеспечивать работой каждого, кто хочет работать".

Российские данные очень похожи на американские. В 1994 году 34% граждан США считали, что преодоление неравенства должно быть приоритетной, а 31% – второй по важности целью правительства [16]. Вместе с тем, американцы относятся подозрительно к тем, кто, будучи физически способен работать, не работает и получает помощь, однако и в этом случае только меньшинство голосуют за прекращение такой помощи [17]. Не удивительно, что в России стойких "антисоциалистов" насчитывается около 30%, тогда как почти 50% прямо заявляют: "Социализм для страны более предпочтительный строй, чем капитализм". Большинство населения (73%) по-прежнему против частной собственности на крупные заводы и фабрики, а вот идею сделать частными небольшие предприятия готовы поддержать 69% россиян. В феврале 1998 года, согласно данным ВЦИОМ, 36% опрошенных признали, что советская власть им ближе, чем нынешняя, и только 2% придерживались обратного мнения [18].

Безусловно, проблема неравенства воспринималась бы населением менее остро, если бы оно возлагало ответственность за бедность на индивидуума и признавало бы, как в Америке, легитимность богатства и успехов в своем обществе. Между тем подавляющее большинство россиян винят в бедности "экономическую систему" (82%) и "неравные возможности" (65%). Американцы несколько иначе (но не радикально) объясняют причины бедности: 42% приписывают ее "внешним обстоятельствам" полностью и 18% частично, 35% возлагают вину на самих бедных полностью и 18% частично [19].

При относительной амбивалентности мнений насчет причин бедности, богатство, приобретенное после 1991 года, однозначно считается нелегитимным, "несправедли-

¹¹ Опрос проведен ВЦИОМ в октябре 1997 года, опрошено 1500 респондентов.

вым". Люди приписывают его "нечестности" (76%), "связям" (88%) и только частично "упорному труду" (39%). Около половины граждан голосуют за "изъятие" неправомерно нажитых состояний у так называемых новых русских даже с помощью насильственных мер (ВЦИОМ, март-апрель 1997). В США ситуация в корне иная: 66 % американцев считают своих богатых "честными" (но 74% – несимпатичными и 78% – снобами) [20]. Лишь 21 % полагают, что их слишком много [21]. Точку зрения, согласно которой "у людей есть равные возможности добиться успеха", разделяют, по данным ВЦИОМ, 23% опрошенных. При этом, как только речь заходит о различиях в зависимости от пола, возраста или национальности, россияне становятся почти "глухими".

Итак, правящая элита и большинство граждан России находятся на противоположных полюсах в своих взглядах на социальное равенство и справедливость. Они говорят на совершенно разных языках. Такого разрыва не было в советское время, нет его и ни в одной западной стране.

Могли ли либералы провести экономические реформы иначе? Вряд ли. Слишком много факторов, от них не зависящих, были в игре. А вот проявить большую мудрость в отношении к проблемам социальной справедливости и особенно в воздействии на поведение элиты и на средства массовой информации они, вероятно, могли. Заплатит ли страна за это упущение, сказать трудно. Россияне, по моему убеждению, в последние десятилетия уходящего века вели себя весьма рационально, избегая массовых насильственных действий для улучшения своего положения. Однако проблемы равенства и справедливости, если они не вернутся в официальную политику и практику, способны стать важным преимуществом оппозиции нынешнего режима. Правящая элита должна всерьез над этим призадуматься.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1997. 24 октября.
2. Пяшьева Л. Жизнь взаймы // Известия. 1990. 25 сентября.
3. Независимая газета. 1998. 10 июня.
4. Знамя. 1998. № 96. С. 172.
5. *Shlapentokh V.* Soviet intellectuals and political power. Princeton: University Press, 1990.
6. Известия. 1998. 17 июня.
7. Литературная газета. 1969. 19 декабря.
8. Российский статистический ежегодник. М.: Госстатиздат, 1997. С. 138.
9. World development indicators. Washington: World Bank, 1997. P. 54-56.
10. Известия. 1998. 11 июля.
11. *Rawls G.* Theory of justice. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
12. New York Times. 1998. 13 July.
13. Буртин Ю. Россия и конвергенция // Октябрь. 1998. № 1.
14. Московский комсомолец. 1998. 11 марта.
15. *Ваксберг А.* О "кремлевских безумцах" говорили в Париже // Общая газета. 1998. 9 июля.
16. Program on international policy: Attitudes of Americans. 1994. December.
17. *McClelland P. D.* The American search for economic justice. Cambridge: B. Blackwell, 1990. P. 338.
18. Общая газета. 1998. 23 июля.
19. New York Times. CBS News. 1995. 11 December.
20. Washington Post. 1990. 21 October.
21. Gallup Poll. 1990. 1 July.